Эдуард АНАШКИН

«Лишь для горечи и для любви...»

О книге Станислава Куняева «К предательству таинственная страсть...»

Редко кто из поэтов патриотического направления избежал в своем творчестве внутреннего диалога с одним из самых харизматичных русских поэтов, ставшим для нескольких литературных поколений символом непримиримости к подделкам под русскую литературу. Я говорю о Станиславе Юрьевиче Куняеве. Он – человек-эпоха, сколь высокая и великая в своих лирических прозрениях, столь же горькая в прозрениях публицистических. Совсем недавно, читая присланную мне книгу избранных стихотворений замечательного сибирского поэта Василия Козлова «Гончарный круг», вышедшую в далеком от Москвы Иркутске, я наткнулся на посвящение Станиславу Куняеву:

Хотел сказать:
«Мы целым миром правим,
А вас дожать не стоит ничего…»,
Сказал: «И все равно
мы вас задавим!..» –
Но испугался слова своего.
И посмотрел глазами спаниеля,
Вокруг зрачков
блестела кровь веков…
Мели, Емеля, знать, твоя неделя –
Я выслушаю без обиняков.
Там, на Синае, в огненной пустыне,
Тельца разрушил грозный Моисей,
Но в темных душах он живет поныне,
Рождая бред сомнительных идей.
И никогда наш спор не разрешить,
Продлится он
за дьявольским туманом.
Кровавого инстинкта не изжить
Ни подкупом, ни лестью, ни обманом.
Мы ждем врагов на наших рубежах,
Нам есть с кем поделиться
вящей славой.
Вам остается ненависть и страх –
И вечный плач, неверный и лукавый.

Может, и не стоило, говоря о Куняеве, говорить о ком-то еще, слишком уж значима эта творческая величина. Но так уж получилось, что почти одновременно с книгой Василия Козлова я стал обладателем пламенной публицистической книги Станислава Куняева «К предательству таинственная страсть…». Тысячи километров между Москвой и Иркутском, а так символически сложилось, что оба автора говорят об этой вечной интеллигентской склонности к предательству! Настолько вечной, что уже, говоря интеллигент, мы подразумеваем – либерал и, как следствие – предатель.

Василий Козлов посвятил интеллигенции несколько стихотворений в своей книге, вот несколько строк одного из них:

Предпочитая чуждые народы
И мудро презирая свой народ,
На перекрестке зоны и свободы
Поет интеллигенция, поет…

Как говорится, пой, ласточка, пой, мир дышит весной. А весна – это оттепель, а оттепель – это, по сути, грязь. Не зря один из царей говорил: «Россию надо подморозить!»… Станислав Юрьевич Куняев посвятил продажности интеллигенции горькие главы-эссе своей литературоведческой публицистической книги, осмысливая путь падения творчества в бездну сиюминутной материальной выгоды. А по сути, продажи творческого первородства на сытную чечевичную похлебку. Эта книга нужна вовсе не тем, о ком и на примере чьего жизненного пути она написана. Им, как говорится, уже не помочь. Она написана для будущего, это книга-предостережение молодым небесталанным авторам о том, что будет, если творческое первородство ставить ниже чечевицы.

В наши дни военной спецоперации либеральная интеллигенция проявила себя во всей красе, кинувшись спасать от русской угрозы столь обожаемую Европу, частью которой якобы является бывшая советская республика Украина. Посмотришь и вспомнишь классика: «чем либеральней, тем они пошлей». То бьются в истерике, что им стыдно быть русскими, хотя приглядеться, так по национальности, за редким исключением, ни разу не русские. То призывают за мир, а на деле за замалчиваемую трагедию фашистского расчеловечивания русских людей, виноватых лишь в том, что они живут на Украине.

Вечная оглядка на заморскую «княгиню Марью Алексевну», непонятная русскому поэту, пишущему для своего народа, привела в итоге к творческому краху не одного прозападно ориентированного литературного поколения. Читаешь книгу «К предательству таинственная страсть…» и все более укрепляешься во мнении: она написана как бы на вырост нам, читателям. К грустью порой думаю, что ведь эта книга, только фамилии будут в ней меняться, останется надолго актуальной для России. Не секрет, что последние десятилетия у нас волеизъявлением постсоветской власти всячески стараются вытравить из литературы всякий намек на социальность. Во главу угла поставлено личное, некое «самовыражение автора». То есть сводится общественное до частного в то время, как главная задача русской литературы, еще со времен бессмертной классики, была прямо противоположная. Наши классики учили читателя видеть в частном – общественное, видеть в трагедии «маленького человека» трагедию огромного количества людей. Вспоминаются слова классика аварской литературы Гамзата Цадаси, сказавшему сыну, будущему известному аварскому поэту Расулу Гамзатову, на тот момент еще начинающему автору: «Если ты поэт, то ты должен чувствовать и видеть так, как чувствует и видит твой народ». Народность литературы. Забытое ныне словосочетание! А ведь от него еще во времена, когда о народности не говорил лишь немой, были безнадежно далеки персонажи книги Станислава Куняева, чьи имена прекрасно нам известны – Окуджава, Вознесенский, Евтушенко, Галич и прочие «дети Арбата».

Вроде и немало книг по истории литературы XX века я прочитал, но признаюсь, что многие факты о жизни и творчестве этих писателей, изложенные в книге, потрясают своим цинизмом. И совсем иначе начинаешь смотреть на тех, кто считал себя шестидесятниками и «дворянами Арбатского двора». Понимаешь, что за пределами московского Садового кольца эти люди, позиционировавшие себя русскими писателями, не видели и не желали видеть ничего.

Книга пронизана не только обличительной горечью, но и грустным осознанием того, как порой разводит по враждебным лагерям вчерашних коллег и даже приятелей разное отношение к России. Вроде бы очевидно, что однажды пишущий человек непременно понимает, что литература сама по себе, оторванная от духа народного и от любви к народу, становится пустым словоблудием, которое не спасут никакие красивые слова, модные ритмы, оригинальные рифмы.

Советское время, о котором сейчас все мы так или иначе ностальгируем – и писатели не исключение, – конечно, было временем расцвета любви народа к литературе. Тиражи книг исчислялись сотнями тысяч, писатели были властителями дум миллионов сограждан, книги были в дефиците, поэтические сборники расхватывались с полок книжных магазинов в считанные часы… Но не будем забывать, что литература была не только инструментом осмысления жизни, но и частью официальной советской идеологии. То есть были запретные темы, которые советским литераторам было поднимать в своем творчестве нежелательно. Скажешь правду о нищете русской деревни – вмиг тебе припишут очернительство со всеми вытекающими…Тем не менее русские поэты, призывая на помощь весь свой художественный дар и эзопов язык, все равно старались донести до читателя правду. Прорывались сквозь запреты цензуры пронзительными строчками и стихами… а в этом время либеральные писатели, дети XX съезда и прочих оттепелей, всеми силами налаживали, как умели (об этом есть немало горьких страниц в книге), связи с боготворимым ими Западом. За редким исключением ориентированные на «общемировую культуру» жили по столицам, и сами то писали оды Ленину, то ехали на поэтические фестивали за границу, где, ясное дело, оды Ленину предпочитали не читать.

И словно бы параллельно, своей жизнью, жизнью народа, для которого творили, жили по провинциям Николай Рубцов и Василий Белов, Валентин Распутин и Евгений Носов, Виктор Астафьев и Николай Палькин… Словно некая высшая сила не пускала их в столицу, где собирали шумные толпы в Политехническом музее и на стадионах их столичные коллеги, частые гости на телевидении и на радио. И так эти две ветви литературы – русская по духу и русскоязычная подделка – жили параллельно друг другу, практически не пересекаясь.

Феномен Станислава Куняева заслуживает отдельного внимания. Волею судьбы и силой характера парнишка из калужской провинции жил географически рядом с избранной кастой шестидесятников. Был уважаем ими, хотя порой и ненавидим. При этом остался собой, не изменив русской глубинке и написав именно о ней лучшие свои стихотворения. А лучшие его стихи были все о ней, о России:

Непонятно, как можно покинуть
Эту землю и эту страну,
Душу вывернуть, память отринуть,
И любовь позабыть, и войну.
Нет, не то чтобы я образцовый
Гражданин или там патриот –
Просто призрачный сад на Садовой,
Бор сосновый да сумрак лиловый,
Темный берег да шрам пустяковый –
Это все лишь со мною уйдёт.
Все, что было отмечено сердцем,
Ни за что не подвластно уму.
Кто-то скажет:
«А Курбский? А Герцен?» –
Все едино я вас не пойму.
Я люблю эту кровную участь,
От которой сжимается грудь.
Даже здесь бессловесностью мучусь,
А не то чтобы там где-нибудь.
Синий холод осеннего неба
Столько раз растворялся в крови,
Не оставил в ней места для гнева –
Лишь для горечи и для любви.

Вот этой *горечью и любовью*, а вовсе не гневом, продиктована книга «К предательству таинственная страсть…». Любовью к родному русскому простору и горечью от того, что не все твои коллеги, хотя именуются русскими писателями, разделяют эту любовь. Географически Станислав Куняев был столичный писатель. Но духовно и душевно он как был в юности, так и остался певцом и печальником русской глубинки, за что ему периодически приходилось выдерживать дружный натиск либеральных столичных писателей. Сильный характер и корневой русской талант помогал Станиславу Юрьевичу успешно воевать за русское слово и русский дух на московской территории. В одной из книг он написал о том, что идеологические оппоненты дивовались его мужеству и стойкости, ведь противостоять очередному дружному либеральному наскоку ему приходилось порой практически в одиночку. А разгадка непобедимости Куняева, лежавшая на поверхности, была им, с их отношением к России, неведома.

Когда ему становилось невмоготу от столичной жизни, он уезжал в родную Калугу и там, на малой родине, набирался от родной земли сил для будущих литературных баталий. Пока ещё были живы его друзья-соратники Вадим Кожинов, Анатолий Передреев, Юрий Кузнецов, думаю, Станислав Куняев не столь ощущал свою одинокость в среде, где ему выпало жить и работать. Однако и с уходом из жизни единомышленников Станислав Юрьевич не утратил боевого духа, который одинаково блистательно проявлялся и в его стихах, и в его публицистике, и в его подвижнической работе главного редактора лучшего литературного журнала России «Наш современник», верного пушкинским заветам.

Книга «К предательству таинственная страсть…» уникальна тем, что ее автор, несмотря на то, что он выдающийся поэт, а поэты, как известно, люди эмоциональные, в этой книге предстает бесстрастным и бесстрашным осмыслителем эпохи. Неуклонное стремление быть объективным по отношению к тем, о ком написана книга, сильно выделяет ее из череды документально-публицистической мемуаристики. Которая, как правило, отмечена печатью вкусовщины и возможностью сведения счетов. Куняев стремится быть предельно холоден и объективен – вне зависимости от того, симпатичен ли ему лично человек, о котором идет речь, или симпатии своими какими-то поступками не вызывает.

Думаю, для многих, кто и сегодня нет-нет да и ностальгически взгрустнет по временам «шестидесятников», такая книга станет откровением. Заставит на многое посмотреть иначе, переосмыслить свои взгляды. А без такого переосмысления не будет у России, у нас не будет, будущего. Если мы будем считать предательство и презрение к Родине нормой, какое может быть будущее? Пока мы вполне себе спокойно относимся ко всем этим «детям Арбата», «детям оттепели», насельниками «Дома на Набережной», «детям XX партсъезда», мы пребываем в иллюзии, что это русские, а вовсе не русскоязычные, писатели. Забываем о том, что их главным желанием была вовсе не любовь народная, а любовь узкой прослойки таких же «богоизбранных» и желание стать гражданами мира. На какие только ухищрения они во имя этого ни шли – почитайте это в книге: вас ждут не очень приятные, но нужные открытия. Когда уж тут о народе русском было им думать? Для того «мужичье» Рубцов да Распутин и прочие, им подобные, есть…

Об объективности этой книги, стремлении максимально понять такое явление, как шестидесятничество, и выявить его корни, наиболее показательно говорят эссе о Борисе Слуцком, об Игоре Шкляревском – писателях, к которым Станислав Куняев не скрывает своей приязни, потому что с этими людьми его связывали годы если не дружбы, то дружества.

Совершенно согласен со Станиславом Юрьевичем, что «литература в России – это вторая религия». «Пушкин – наше все». Именно Пушкин, хотя Россия щедра на гениев в самых разных сферах человеческой деятельности. Но именно Пушкин стал наиболее полным выражением народного духа. А ведь это даже на бытовом уровне отражается. Наверняка каждый из вас слышал в детстве от родителей: «А кто за тебя уроки делать будет? Пушкин что ли?». А уж коли литература – вторая религия, то значение книги переоценить нельзя. Скажу крамольную вещь, которую бы не должен говорить человек верующий. Но литература, может быть, не вторая, а первая религия в России, потому что религий в России немало, а литература одна, хоть и многонациональная. А предательство начинается со слова. Потому надо быть внимательным к словам, они – предтечи поступков.

Литературное поле России – вечное поле битвы за чистоту души, языка, помыслов. И на этом поле битвы нужны опознавательные знаки «своё – чужое», чтобы не принимать чужое за родное, а врага за соратника. Порой цитируем слова, что предают только свои, но если предал, не был своим никогда, просто его принимали за своего! В посвящении на книге Станислав Юрьевич написал мне, что она создавалась в течение всей его жизни. И действительно: в книге собран огромный документальный материал, который, быть может, и не осилить в полной мере с первого прочтения. Книгу «К предательству таинственная страсть…» надо не просто читать и не просто перечитывать. Она заслуживает того, чтобы стать настольной. Она поможет избежать многих искушений на литературном пути, сохранить верность себе и русской литературе. Поможет в выборе единомышленников, в умении видеть «чужих» по их словам и поступкам.

Бог судил Станиславу Юрьевичу Куняеву жизнь насыщенную – полную сражений на литературных полях и полях истории, высекавшую из его души поэта гениальные стихи, которые мы с вами часто цитируем и которые поддерживают наш дух в непростое время. Книга «К предательству таинственная страсть…» – гражданский поступок поэта, если учитывать сильно превосходящие силы либерального противника. На такое мужество способен не каждый поэт, если только он – не Станислав Куняев!

Самарская область

Александр ЛЕОНИДОВ (Филиппов)

Три самородка

О трилогии

Рискну, как у меня часто бывает, на парадокс, назвав роман-трилогию моего земляка Камиля Зиганшина «Золото Алдана» недооцененной книгой. Это, на первый взгляд, довольно странно – потому что, казалось, бы «Золото Алдана» нисколько не обделено признанием как издателей, так и литературной критики, весьма благосклонной к мэтру уральского натурализма. Работая над этой статьёй, я перечитал не только трилогию, но и множество самых комплементарных отзывов о книге. Такое в наше время встречается нечасто, но…

Первый взгляд обманчив: «Золото Алдана» совсем не о том, что в нём увидели первым пластом, казалось бы, очевидным и с ходу бросающимся в глаза. Нынешнее, переработанное и дополненное издание *(«Золото Алдана: Трилогия. – М: Издательство Престиж Бук, 2021 г.)* презентуют так же, как и предыдущие, более «тонкие» версии: как книгу о расколе и о раскольниках.

Действительно, трилогия, состоящая из романов «Скитники», «Золото Алдана», «Хождение к Студёному морю», ведёт читателя староверческими тропами, через Ветлужские леса в середине XIX века, потом через Урал и Сибирь, в казалось бы забытый Богом Забайкальский край. Староверы теснимы всё дальше и дальше – в дикие места Алданского нагорья.

Вместе с героями книги мы переживаем трагические события с 1922 по 1955 год, окунаемся в ледяную прорубь гражданской войны и её долгих последов, знакомимся с жизнью укрывшихся в тайге белогвардейцев бывшей армии генерала Пепеляева.

И далее, в романе «Хождение к Студёному морю», ведущий персонаж, потерявший ногу, шагает к Ледовитому океану через якутские стойбища, затунденные русские деревни, добирается до Чукотского Носа (мыса Дежнёва).

Это я кратчайшим образом пересказал сюжетное содержание, на котором обычно все и замыкаются, полагая, что перипетии староверческих судеб, сполохи трагических периодов отечественной истории – и есть всё содержание огромной книги. Наверное, такому плоскому и однобокому пониманию «Золота Алдана» способствует огромное количество географических, этнографических, исторических деталей неимоверно внимательного к мелочам, дотошного автора, впитавшего в себя страсть русской литературы к созерцанию. Созерцание – как тончайший слух, но только в мире образов. Человек, обладающий развитым слухом, слышит те шорохи и малейшие колебания, которые обычные люди, оглушённые городом, – не расслышат никогда. Точно так же русский литератор-созерцатель умудряется уловить проницательным глазом то, мимо чего праздный наблюдатель пройдёт, не задержавшись.

На мой взгляд – детализированное изобилие вспомогательных образных средств кое-где становится у автора излишним, даже навязчивым, закрывает общую панораму, но таков уж стиль Зиганшина: ничего не упускать, проникать в жизнь с молекулярной дотошностью. Можно навскидку назвать множество страниц из трилогии, которые стали бы находкой для приснопамятного журнала «Вокруг света», и не меньше страниц, которые с восторгом читались бы на страницах разных «Исторических обозрений» или «Краеведческих вестников».

Почему я говорю о таком с некоторым отторжением? Потому что все эти, несомненно, увлекательные журналы – всё же, если говорить языком судостроителей, «плоскодонные». Подлинный же морской лайнер имеет киль, уходящий далеко в глубину, во тьму и зыбь окончательных вопросов бытия человеческого. Плоскодонка тоже может быть очень качественно сделана, но она – для мелководья. Оценивая труд Зиганшина, и порой с восторгом оценивая, многочисленные увидели в нём плоскодонку, а вот межконтинентального лайнера, прикрытого чрезмерным детализированием, не разглядели.

Сказать о «Золоте Алдана», что это «роман про раскольников» – всё равно, что сказать про «Преступление и наказание», что это роман о студентах, а про «Братьев Карамазовых», что это роман об алкашах. Формально – не придерёшься: там действительно это есть, и создаёт ведущую коллизию сюжета. И действительно, сначала может показаться, что Зиганшин – «защитник древлего благочестия», как озаглавлена одна рецензий на роман-трилогию. Отчего (если романа не читать) – возникает представление о Зиганшине как о старовере, написавшем трактат в защиту от гонений своих братьев по вере…

Между тем Зиганшин никакой не старовер, и никакой необходимости защищать староверов в наши дни чрезмерной религиозной свободы нет. И вообще, если говорить о романе – там совсем не в этом дело. Скажем так: не роман служит раскольникам, а наоборот, раскольники служат роману, его центральном замыслу, его стержневой и осевой задумке. Теоретически на месте староверов Сибири могли бы быть, например, копты Египта, в тяжелейших условиях, посреди гонений, в меньшинстве и изгойстве защищающие своё древнеегипетское благочестие и родовую память.

Есть и другая плоскость восприятия романа, тоже отмеченная мной в отзывах критиков: упоение богатым и сочным, ярким и цветастым натурализмом и этнографией. Мы докопались – думают критики – до того, чего хотел автор: он хотел передать нам дух таёжных костров и, подобно Бианки, донести до нас шерстинку лесного зверья, пёрышко экзотической птицы…

Опять же, сказать, что этого нет – невозможно. Зиганшин проник в самое сердце того, что Церковь называет «пустынью», отдалённых, девственных мест величественной первобытной природы. Как опытный проводник он ведёт нас тропами чудесных заповедников как звериной, так и человеческой жизни. Но это – каким бы ароматным, духмяным ни было – для журнала «Вокруг света», для периодики «Клуба кинопутешественников»…

Разглядеть то, что за этим всем – вот что значит, с моей точки зрения, понять Зиганшина.

Поясню в этой связи мой взгляд на художественную литературу. Со школьной скамьи знаем мы (да вот только редко применяем во взрослых думах), что бывают изложение, сочинение и откровение. Учителя преподавали нам эти ступени как восхождение к высшему.

Суть изложения – рассказать другим о том, что увидел и прочувствовал. По большому счёту, твёрдой грани между изложением и сочинением нет, это довольно условно и зыбко по части перехода. Приведу простой пример: автор журнала «Вокруг света» побывал в Индии или в Сибири. И вот он, сопровождая фотографиями своё изложение, подробно, в меру своего таланта излагает – что увидел, с чем столкнулся, с кем поговорил, «ладно ль за морем иль худо, и какое в свете чудо». Не нужно в изложении видеть обязательно что-то примитивное: качественное изложение под пером талантливого мастера может превратиться в подлинный шедевр слова.

Но суть изложения, как мега-жанра, прикована ко времени и месту. Это всегда локальная правда жизни, рассказ о предельном, конечном, точечном, о случае – делающим неизбежной случайность. Эта локальность и делает изложение изложением (помните, как нас в школе просили описать, что мы видим на картине?). А как изложение перетекает в сочинение?

Плавно. Лев Толстой начал со смерти конкретно взятого Ивана Ильича, а закончил мыслями о Смерти вообще как таковой, человеческой Смерти. Лев Толстой рассказал о жизни льва и собачки – а вышел в итоге далеко за пределы не только отдельного зоопарка, давшего первый толчок его рассказу, но даже и за пределы львиного или собачьего вида. Он коснулся такой универсальности чувств, присущих живому организму, что и лев, и собачка превратились у него в символы притчи.

И понимаешь, что доктора в больницах каждый день описывают в своих заключениях смерти Иванов Ильичей, Ильей Ивановичей, но никто этого не экранизирует сто лет спустя, и не переиздаёт отдельной книжкой. Потому что врач, как бы компетентно (и даже, может быть, красочно) ни изложил причины смерти больного – лишь излагает частный, локальный случай, прилагаемый к конкретному месту и времени, а за пределами их пятачка – теряющий смысл.

Сочинение же рассказывает не столько о предмете изложения (как это делает изложение), сколько об авторе и читателе. Когда читатель начинает (с трепетом, порой с ужасом) осознавать в персонаже себя и перипетии собственной духовной практики – происходит переход изложения в сочинение.

Но и сочинение – ещё не высшая литературная форма. Плотник – ремесленник, но и столяр – тоже ремесленник, хотя, благодаря Антону Павловичу Чехову мы знаем, как высоко мнит себя столяр над плотником. Работа сочинителей тоньше и долговечнее, чем работа излагателей. Но есть и у неё пределы, запирающие её в локацию «Вокруг света» или «Исторических записок», в – страшное для настоящего литератора слово – *подшивку*.

Высшей формой литературного творчества является откровение, но это уже соавторство с высшими силами. Как прочувствовал это Пастернак – «и тут кончается искусство, и дышат почва и судьба». Эдуард Байков сказал о том же самом так: «В подлинном литературном шедевре, помимо всех постижимых его слагаемых, должно быть и непостижимое «колдовское зелье», некая сумасшедшинка не от мира сего».

По законам диалектики высшая форма творчества, откровение, смыкается с самой, казалось бы низшей и ученической: диктантом. Но только диктует автору уже не учитель из средней школы, а Бог… Всякое искусство, в смысле искусности, – для автора в этой точке заканчивается. Играть словом он уже не может – потому что живёт безо всякой игры, втиснутым в собственное слово, и шаг влево, шаг вправо, как расстрел…

* * *

Глубинное содержание трилогии Камиля Зиганшина – о вере, которая жизнь, и безверии, которое смерть. И о том, как черви сомнения, если заведутся – способны сгрызть и тело, и душу человеческие. И о торжестве живущих как дети, и о посрамлении земной искушённости мудрствующих лукаво. И о неслиянной нераздельности мира божьего, который непостижимым образом – многолик в единстве своём и един в бесконечной многоликости.

Неглубокий читатель, рассматривая вослед Зиганшину картины быта (детальные до чрезмерности) мужествен-

---

Интересно и познавательно обнаружить и читать перекличку авторов разных поколений, воспевших одну и ту же тему. Так, записки 2001 года Валерия Ганичева «Православный дорожник» перекликаются с поэмой Александра Твардовского «За далью – даль» 1950 года. В этой перекличке в глаза бросается разница в восприятии этих авторов огромных российских территорий. Твардовский, проезжая на поезде по Транссибу, открывает для себя российские дали, а Ганичев, совершая такое же путешествие из Москвы во Владивосток, восторгается российскими просторами. У одного – даль, у другого – простор. Но даль – это что-то неизведанное, новое, настораживающее, но влекущее, обещающее, а простор – он родной, всеохватный, восхитительный. Далью любуются, её ждут, простором – дышат, он волнует.

Но ещё более удивительно обнаруживать в этих произведениях изменения, произошедшие со страной и людьми. Изменения за пятьдесят лет, что прошли между поездками Твардовского и Ганичева. Россия (Советский Союз) Твардовского – послевоенная, переломная, отстраивающаяся, ещё помнящая беды и ужасы войны, у Ганичева – уже другая, без СССР, но опять же переломная, барахтающаяся в невзгодах и проблемах, помнящая недалёкие ужасные 1990-е годы. Разное время, чем-то похожие ситуации, та же самая железнодорожная магистраль, но какие разные люди, разные мысли авторов. Одного радует настоящее и переполняет ожидание прекрасного будущего, другого настоящее тревожит, но в прекрасное будущее он тоже верит.

Александр Твардовский, въезжая на поезде в Сибирь:

Сквозь муть пурги ещё невнятно
Вступает новый край в права.
А где-то там, в дали обратной, –
Урал, и Волга, и Москва,
Смоленск, мосты и переправы
Днепра, Березины, Двины,
Весь запад – до границ державы
И дальше – по следам войны,
По рубежам её, остывшим,
По блиндажам её, оплывшим,
По стольким памятным местам…

Места памятные, он фронтовик, на себе испытал войну, и не одну, но перед ним открывается даль не просто территории, а новых строек, новых ожиданий, открываются мечты и планы.

И совсем другие мысли, тревожные, но такие же державные, у Валерия Ганичева: «Почему ныне, как по мановению волшебной (или дьявольской) палочки псевдореформ, тарифы взлетели до того состояния, что человек с востока Отечества не может приехать в его западную часть? Мы вспомним времена Транссиба, когда он соединял государство, а не разъединял…».

Один думает о скором восстановлении, скреплении послевоенной страны, другой размышляет, помимо многого прочего, о транспортных тарифах, разделивших мирную в общем-то страну, её людей на своих, близких, и второсортных, дальних. Казалось бы – тарифы, билеты, кто бы мог подумать, но как они ударили по населению, сделав дальних настоящими изгоями. И люди, почувствовав себя чужими, стали всерьёз задумываться, вольно или невольно, о том, нужна ли им такая страна, в которой они чужие. Тарифы незримо прочертили по стране линию разделения, границу, и пропуском стали деньги. Региональные лидеры, и без того считавшие себя князьками, возмечтали о собственных государствах, о полных суверенитетах, тем более что незадолго до этого президент Ельцин хвастливо бросил фразу: «Берите суверенитета сколько хотите!».

Помним ельцинские суверенитеты «от пуза», помним Ассоциацию Сибири и Дальнего Востока, обсуждавшую свои проблемы вне общих проблем страны. Помним и разговоры о Дальневосточной республике. Всё помним. Ведь чуть не прозевали тогда страну.

И опять, глядя из окна поезда, размышляет писатель Валерий Ганичев о России царской и России современной, сравнивает: «Стремительно росла лесная, золотодобывающая промышленность. Сибирь богатела, становилась краем добротных поселений и городов… Как тут не подивишься нынешним реформаторам, сгоняющим сибиряка и северянина с